

личество. Прежде чѣмъ изслѣдовать факты, надо имѣть теорію, на основаніи которой *изслѣдуются*, то-есть *избираются*, изъ безчисленнаго количества тѣхъ или другіе факты“.

Итакъ, отрицательное отношеніе Л. Н. Толстого къ позитивизму и къ дарвинизму понятно: но Огюсть Контъ и Дарвинъ не представляютъ собою не только всей философіи и всего естествознанія вообще, но даже философіи и естествознанія въ ихъ современномъ положеніи; та или другая система, та или другая научная теорія не составляютъ еще науки. Гипотеза волнообразнаго движенія ээира имѣетъ несравненно болѣе прочныя основанія, чѣмъ гипотеза происхожденія видовъ; она подтверждается тысячами опытовъ и математическихъ вычисленій, но остается все-таки гипотезой; допустимъ, что она когда-нибудь будетъ опровергнута, это нисколько не поколеблетъ значенія оптики, и законы преломленія свѣта останутся тѣ же самыя.

Если въ наше время нерѣдко научныя гипотезы смѣшиваются съ научными истинами, то въ этомъ виноватъ никакъ не излишекъ, а скорѣе недостатокъ научнаго образованія.

Указывая на вредъ теорія Дарвина (такъ какъ она даетъ видимость опоры вредному, по его мнѣнію, нравственному ученію), графъ Толстой тѣмъ самымъ опровергаетъ свое утвержденіе о бесполезности наукъ, неимѣющихъ въ виду непосредствен-